

В. Г. Белинский

**Очерки жизни
и избранные
сочинения Александра...**

Виссарион Григорьевич Белинский Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою... Часть первая...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823715*

Аннотация

«Вот одно из тех произведений, которые называются капитальными произведениями литературы, которые пишутся не для одних современников, но и для потомства, переживают века и народы. Много нужно таланта, чтобы описать верно только внешнюю сторону книги почтенного ветерана нашей литературы: найти же единство воззрения и мысли в торжественно праздничном вдохновении, которым проникнута, и в лирическом беспорядке и отрывочности, которыми запечатлена ее внутренность, – это просто дело гения...»

Содержание

**Виссарион Григорьевич
Белинский**
**Очерки жизни и избранные
сочинения Александра
Петровича Сумарокова...
изданные Сергеем
Глинкою... Часть I...**

*Очерки жизни и избранные сочинения
Александра Петровича Сумарокова, изданные
Сергеем Глинкою. Часть I, СПб. В тип. С. С. Глинки
и К». 1841. В 8-ю д. л. XLIX и 197 стр.*

Вот одно из тех произведений, которые называются капитальными произведениями литературы, которые пишутся не для одних современников, но и для потомства, переживают века и народы. Много нужно таланта, чтобы описать верно только внешнюю сторону книги почтенного ветерана нашей литературы: найти же единство воззрения и мысли в торжественно праздничном вдохновении, которым проникнута, и в лирическом беспорядке и отрывочности, которыми запечатлена ее внутренность, – это просто дело гения. Будучи

слишком далеки от самолюбивой мысли предполагать в себе гений и почитать себя способными разоблачить перед читателями все богатство, всю оригинальность содержания книги почтеннейшего С.Н. Глинки – даже только познакомить их с ее оригинальной внешностью и восторженно-лирическим способом ее изложения, напоминающего торжественные оды прошлого века: – мы тем не менее, хотя и со страхом и трепетом, хотя и с полным сознанием своего бессилия и недостойнства, но все-таки попытаемся на этот великий подвиг.

Во-первых, книга почтеннейшего С.Н. Глинки приводит читателя в изумление уже самым заглавием своим: всякий (особенно кто, подобно нам, не одарен тонкою проницательностью и догадливостью), всякий легко может подумать, что «очерки жизни» в этой книге так же принадлежат Александру Петровичу Сумарокову, как «и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова». Естественно, тут рождается вопрос: но чьей же жизни очерки писал Александр Петрович Сумароков? Вот тут-то и первый камень преткновения, и первая важная ошибка со стороны ограниченных людей, не способных понимать гениев: «Очерки жизни» написаны почтеннейшим С.Н. Глинкою, а «Избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова» написаны Александром Петровичем Сумароковым. Во-вторых, книга почтеннейшего С.Н. Глинки весьма предусмотрительно снабжена целыми тремя заглавными листками, которые все разнятся один от другого: первый в узорной рамке и с означени-

ем «часть первая», но без означения типографии; второй без узорной рамки, но с означением типографии, в которой книга напечатана; третий без узорной рамки, с означением части и без означения города, типографии и года, но зато с двумя эпиграфами из Сумарокова и Шатобриана. За этими тремя листками следует четвертый, на котором крупными литерами значится: «Приношение памяти ЕкатеринѢ (ы) Второй, любительницѢ (ы) русского слова и августейшей русской писательницѢ (ы)». Затем уже следует посвящение, которого по недостатку времени и места не разбираем: ибо для одного этого потребовалось бы целой и притом большой статьи. За посвящением следует «Первый взгляд на Сумарокова писателя», в котором (первом взгляде на Сумарокова (как?) писателя) С.Н. Глинка говорит, что, приступая к возобновлению «Русского вестника»¹, он решился перечитать прежних наших писателей и начал с А.П. Сумарокова, в сочинения которого он не заглядывал лет двадцать. Начав читать А.П. Сумарокова, С.Н. Глинка удивился его (А.П. Сумарокова) прозаическим статьям и тому, что он (А.П. Сумароков) предъявлял о собрании, соображении и приведении законов в единство, и об обществе для сохранения чистоты русского слова, и предъявил об учреждении хлебных магазинов. За «Первым взглядом на Сумарокова писателя» следует «Вто-

---

¹ Имеется в виду ближайшее участие С. Н. Глинки в издании «Русского вестника», с 1841 г. выходявшего под редакцией Н. И. Греча. Сам Глинка в 1808–1820 и в 1824 гг. издавал одноименный журнал.

рой взгляд на Сумарокова писателя», в котором содержится, что Ломоносов напрасно упрекал Сумарокова в подражании Расину², что Тредьяковский «в грозной критике» напрасно подозревал Сумарокова, что тот осмеял его в «Трисотиниусе»³, что «Илиада» есть подражание египетским надписям на развалинах стовратых Фив; что весь мир подражал; что Сумароков «знал и оценил красоту Шекспира» и знал голландского трагика Фонделя⁴. В «Третьем взгляде на Сумарокова писателя» говорится, что сочинения Сумарокова и при жизни его были искажены и издателями и им самим: ибо он «в рассеянном состоянии мысли, и сам портил свои трагедии, добиваясь богатых, звучных рифм, ко вреду силы выражения»; что когда публика освистывала некоторые из трагедий Сумарокова, он очень красноречиво восклицал:

---

² В письме И. И. Шувалову около 16 октября 1753 г. М. В. Ломоносов писал: «Российским Расином Александр Петрович по справедливости назван, за тем что он его не токмо половину перевел в своих трагедиях по-русски, но и, сам себя Расином называть не гнушается» (М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1957, с. 494). См. также «Сатиру на петиметра и кокеток» И. П. Елагина – П. Н. Верков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 119.

³ В. К. Тредиаковский критиковал и пародировал песни Сумарокова; против Тредиаковского была направлена комедия Сумарокова «Тресотиниус» (1750).

⁴ Голландского поэта Фонделя (Вондела) Сумароков называл «Вергилием тамошним» (см. авторские примечания к «Двум эпистолам» (1747): А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1957, с. 129; в тексте эпистол Фондель упоминается наряду с Шекспиром, Мильтоном, Тассо – см.: там же, с. 117).

Возьмите свет из глаз и выньте дух мой вон.⁵

Словом, в «Третьем взгляде на Сумарокова писателя» содержится много интересного, из чего видно ясно, как день Божий, что он, Сумароков, был великий писатель. Только напрасно «Третий взгляд» приписывает Сумарокову (стр. VIII) фразу: «Но неужели Москва более поверит подъячему, нежели Вольтеру и луне»; Сумароков сказал то же, да не так, а вот как: «Но неужели Москва поверит более подъячему, нежели г. Вольтеру и мне» (см. «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова», т. IV, стр. 62); о луне же Сумароков и не думал упоминать, говоря о г. Вольтере, после которого он, по сознанию своего достоинства, естественно мог говорить только о собственной особе. За «Третьим взглядом» следует «Содержание и обозрение десяти частей сочинений А.П. Сумарокова, изданных Н.И. Новиковым». В этом отделении особенно драгоценны комментарии С.Н. Глинки, равно как и многие факты русской литературы. Например (стр. XX–XXI), он доказывает, что Озеров выучился так хорошо писать трагедии (в старину за поэзию брались на выучку – не то, что ныне, по призванию) у Сумарокова, и приводит свой разговор об

---

⁵ Критик неточно цитирует 11-ю строку «Елегии 26» («Смущайся, томный дух, настали грусти люты...»).

этом с Озеровым. Вот слова Озерова:

Давно обдумывая трагедию «Эдипа», и я стал переучиваться стопосложению по поэзии Сумарокова. У него стих мягче (чем у Княжнина), а мне нужна эта мягкость для роли *Антигоны*. Признаюсь, что я теперь дивлюсь Сумарокову: где и у кого отыскал он выражение трагическое? Говорят, что он подражал французским трагикам; это ничего не значит. Корнелий, Расин и Вольтер заимствовали у греков некоторые содержания своих трагедий. Но язык у них свой. Я пристрастен к Расину, но Корнелий выше его тем, что он изобрел слог трагический; то же должно сказать и о Сумарокове.

Здесь не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что Озеров нашел себе такого достойного образца и так верно судил о нем; или тому, что С.Н. Глинка так хорошо упомянул разговор, происходивший *сорок пять* лет назад тому...

На XXIV стр. С.Н. Глинка приводит следующие «неумирающие», как он говорит, выражения Сумарокова:

Скромность – ожерелье красоты. – Упасть каждый может; и лошадь падает, хотя у нее четыре ноги. – Ты русский, а не говоришь по-русски. – Пьяному да крючоктворцу и море по колено. – И подушки у ябедников не слишком вертятся. У тех вертятся больше, которые, дорожа своей честностию, по миру ходят. – Ум превосходный лучше превосходительства чиновного. – Что присвоено незаконно, то отдать

свыше сил человеческих. – Хвали сон, когда сбудется. – И змея птенцов своих не пожирает. – Телу нужна голова, но – и мизинец член.

Выписав эти «неумирающие» выражения Сумарокова, С.Н. Глинка восклицает: «Тут поневоле остановит(ь)ся и скажем: это резко(и)й и живой оборот слова *Лабрюйера* и *Паскаля!*» Именно так!..

Затем следует «Содержание первой части очерков жизни и сочинений А.П. Сумарокова», состоящей из двенадцати статей, и еще двух дополнительных статей. Затем следует еще заглавный листок книги, а за ним – статья первая и следующие. В них С.Н. Глинка рассказывает по-своему, то есть оригинально и упоительно, частную и литературную жизнь Сумарокова, делая свои замечания и с непостижимою быстротою переходя от одного предмета к другому, хотя бы между ними не было ничего общего. Следить за изложением книги С.Н. Глинки нет никакой возможности: его мысли летят на почтовых, кружат, колесят, обгоняют одна другую, отстают, забегают, сшибают друг друга с ног – у читателя вертится голова; не успеет он пройти с автором двух шагов, как – глядь – автора уже нет с ним – он или за тысячу верст назад, или за тысячу верст впереди... Где же поспеть за таким Протеем! Вот уж подлинно гениальный мыслитель!.. И потому мы решительно отказываемся разбирать книгу С.Н. Глинки подробно, шаг за шагом следя за ее изложением, а поговорим только о некоторых отдельных местах в ней.

От стр. 77 до 90-й С.Н. Глинка силится доказать, что между Ломоносовым и Сумароковым не было никакой вражды. Полно, так ли? – При всем нашем безусловном уважении к великому авторитету С.Н. Глинки мы позволяем себе верить в этом случае более Ломоносову, чем ему; а вот что писал Ломоносов в письме своем к Шувалову, безуспешно попытавшемся помирить его с Сумароковым: «Никто в жизни меня больше не избидел, как ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня к себе. Я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! то есть сделай смех и позор. Свяжись с таким человеком, от коего все бегают, и вы сами не ради. Свяжись с тем человеком, который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмичество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта и Миллера для того только бранит, что не печатают его сочинений; а не ради общей пользы. Я забываю все его озлобления и мстить не хочу никоим образом, и Бог мне не дал злобного сердца. Только дружитья и обходиться с ним никоим образом не могу, испытав чрез многие случаи и зная, каково в крапиву .....»⁶ и пр.

На 143 странице находятся следующие строки, поражаю-

---

⁶ Критик цитирует письмо Ломоносова И. И. Шувалову от 19 января 1761 г. по первой публикации в альманахе «Уrania на 1826 год» (М., 1825, с. 54–55). См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X, с. 545–547.

щие читателей смелостью, новостью и оригинальностью: «Я чрезвычайно люблю и уважаю гений А.С. Пушкина, но *Онегин* не представитель народного русского духа. При жизни еще нашего поэта я напечатал и сам читал ему:

Странного света ты живописец;
Кистью рисуешь призрак людей!..
Что твой *Онегин*? Он летописец
Модных, бесцветных, безжизненных дней».⁷

Прочтя эти строки, и в прозе и в стихах, и притом в таких прекрасных стихах, внезапно озаренные светом истины, мы в пламенном восторге воскликнули, став на колени и подняв руки вверх: «Правда, о, тысячу раз правда, что „Онегин" – пустое, вздорное произведение!» Проговоривши сии роковые слова, мы схватили все *одинадцать* томов сочинений Пушкина, развернули тут, заглянули там, и решили, что и все-то в них вздор и побрякушки, да, не говоря много, бух их в камин, тем более что первые восемь томов во всех отношениях плохо изданы. На очистившееся в шкапе место мы с подобающим благоговением поставили десять томов сочинений «покойного действительного статского советника, Алек-

---

⁷ Послание «Сочинителю «Евгения Онегина», начальные строки которого приводит С. Н. Глинка, было опубликовано – без подписи – в альманахе «Эхо» (М., 1830, с. 102). В первопечатном тексте 1-я строка читается: «Мертвого света ты живописец...», 4-я – «Моды забавной безжизненных дней». Примечательно, что цензором альманаха был сам С. Н. Глинка.

сандра Петровича Сумарокова». Теперь мы только и делаем, что читаем их, беспрестанно восклицая в благочестивом восторге классического правоверия: «О Сумароче! Сумароче! меда и сота сладчайши суть козлопения твоя, – и се не зрим их на феятрах наших, искусными лицедеями представляемых!» Надобно заметить, что эта фраза принадлежит не нам, но мы запомнили ее из одного старого журнала. Впрочем, мы много хорошего восклицали и от себя, но не почитаем за нужное доводить наших восклицаний до сведения публики: для нее достаточно знать, что мы теперь Пушкина не ставим ни в грош, а Сумарокову поклоняемся до земли, и что этим *новым* и прекрасным убеждением обязаны мы красно-речивым и глубокомысленным доводам почтеннейшего С.Н. Глинки.

В заключение нам остается поблагодарить С.Н. Глинку за опровержения, которыми удостоил он «Отечественные записки»⁸, и уверить его, что труд его не пропал вотще, что мы исправились от своих заблуждений, прозрели светом истины до того, что эклоги Сумарокова считаем нежными, элегии трогательными, притчи остроумными, комедии язвительными, оды возвышенными, трагедии величественными, прозаические статьи глубокомысленными, словом, видим в Сумарокове русского Теокрита, Тибулла, Лафонтена, Мольера,

---

⁸ В рецензируемом издании (см. с. 139, 147–151) автор оспаривал оценки Сумарокова и других писателей XVIII века, которые были даны Белинским в статье «Полное собрание сочинений А. Марлинского»). См.: наст. изд., т. 3, с. 7–37).

Пиндара, Горация, Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильона, Дюсиса и пр. и пр., великого поэта, гениального творца и пр. и пр., и что всем этим мы обязаны все ему, почтеннейшему С.Н. Глинке!.. Ждем с нетерпением второй части его «Очерков жизни и избранных сочинений А.П. Сумарокова».⁹

---

⁹ Рецензию на 2-ю и 3-ю части труда С. Н. Глинки см.: наст. т. с. 493–498.